

Г. А. Хабургаев

СУДЬБА ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО
ГЛАГОЛА ДРЕВНИХ СЛАВЯНСКИХ
АНАЛИТИЧЕСКИХ ФОРМ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

0.1. Рассматривая историю глагольных форм в русском языке, нельзя не заметить, что во всех древних славянских аналитических образованиях (с причастием на *-л-*) вспомогательный глагол на русской почве непременно превращается в неизменяемый модально-временной показатель (а следовательно, в модально-временную частицу), генетически восходящий к форме 3-го л. ед. ч. Это касается и сослагательного наклонения (*хотел(и) бы*), и предбудущего (*хотел(и) буде(t)* — до полной утраты этого образования)¹, и перфекта (*хотел(и) + ø* — из *хотел- есть* и т. д.), и плюс квамперфекта (*хотел(и) было*).

История каждого из названных аналитических образований имеет свою специфику: сослагательное наклонение продолжает сохранять основное грамматическое значение, заметное уже в древних текстах, в то время как значение прежнего перфекта коренным образом изменилось, а прежнее значение плюсквамперфекта, как принято считать, практически не сохранилось или во всяком случае сузилось до специализированного модально-временного; предбудущее же время вообще вышло из употребления. И только вспомогательный глагол во всех случаях трансформировался в одном и том же направлении, что заставляет предполагать единство условий образования модально-временных частиц, функционирующих (или функционировавших на определенном этапе развития языка) при форме на *-л-*, а затем и без нее (см. частицу *бы* при инфинитиве, *буде(t)* — при различных временных формах в текстах XV — XVII вв.).

0.2. Условия преобразования вспомогательного глагола в частицу, безусловно, связаны с его синтаксическими функциями, в которых реализуются его грамматические значения. Наибольший материал для соответствующих наблюдений дает префект — самое употребительное из числа названных аналитических образований, встречающееся в памятниках разных типов, начиная с древнейших. Остальные образования в старых текстах редки (а во многих — вообще отсутствуют) и поддаются исторической интерпретации лишь на фоне хорошо прослеживаемой по памятникам трансформации перфектных форм. История же вспомогательного глагола в перфекте, в свою очередь, должна интерпретироваться с учетом лишь тех особенностей его функционирования, которые

¹ Современное будущее сложное как собственно аналитическое образование (а не синтаксическое сочетание) окончательно оформляется относительно поздно: в древнерусском оно, как известно, представляло собой сочетание инфинитива со спрягаемыми формами разных модальных глаголов.

объединяют его со вспомогательными глаголами остальных аналитических образований.

1. Очень заметной функцией вспомогательного глагола (наряду с отнесением действия или состояния к определенному модально-временному плану) в древнерусском языке было указание на лицо и число. Например, в реплике *Почто идеши опять. поималъ еси всю дань* (Лавр. лет.²) отнесенность действия к собеседнику («Ты взял всю дань») выражена только формой вспомогательного глагола *еси*, так же как в известной приписке к Сузд. лет. *Оже ся где буду описалъ* отнесенность действия к самому писцу — автору высказывания выражена формой вспомогательного глагола *буду*. В обоих примерах вспомогательные глаголы указывают еще и на ед. ч., но эта грамматическая информация избыточна, поскольку число выражено также и формой причастия (*поимал-ъ, описал-ъ*), несущего, кроме того, и содержательную (а не только грамматическую) информацию. Вместе с тем именно вспомогательный глагол должен обеспечивать соотнесение результата действия с настоящим (*еси*) или будущим (*буду*), так же как в других аналитических образованиях только он информирует о связи действия или состояния с прошлым (в плюсквамперфекте: *приготовился если были* — Рж. гр.) либо придает им условно-желательное значение (например, в Сл. Иг.: *А быхъ не слала къ нему слезъ*, где *быхъ* указывает на 1-е л. ед. ч. и в сочетании с формой на -л- реализует значение сослагательного наклонения).

Итак, в комплексе грамматических значений вспомогательного глагола постоянно избыточным было указание на число (оно обязательно содержалось в форме причастия на -л-, а нередко — и в форме подлежащего), абсолютно необходимым — указание на время и наклонение (оно обеспечивалось только вспомогательным глаголом!), а указание на лицо было факультативно избыточным, ибо лицо может быть указано подлежащим, если оно есть в предложении. Следовательно, сохранение форм словоизменения вспомогательным глаголом оказывается в зависимости от того, насколько регулярно он функционирует в качестве единственного показателя лица.

2.1. Тесная связь вспомогательного глагола с выражением грамматического лица в перфекте обнаруживается с самых ранних восточнославянских текстов некнижного происхождения. Проявляется она в «пропуске» вспомогательного глагола в двусоставных личных предложениях, т. е. при наличии подлежащего, являющегося специализированным показателем лица. См. уже в надписи на Тмутороканском камне (1068 г.): *Глѣбъ князь мѣрилъ м(ore) по леду;* то же — в старейших частных письмах: *Еже ми отъць даяль и роди съдали* (НБГ № 9, XI в.); *А ныне мя въ томъ яла кѣнягыни, а ныне ся дроужина по мя пороучила* (НБГ № 109, рубеж XI—XII вв.); в старейших деловых документах: *Се вѣдале Варламе стмоу спсоу землю и огородъ <...> Се же далъ Варламъ Михалевъ снъ* (Вкладная Варлаама после 1192 г.); то же — в списках знаменитой Смл. гр. 1229 г., где вспомогательный глагол не встретился ни разу (*оумърлъ, оуздоумлъ, прислалъ, была, ехали, оутвѣрдили, было, троудилися, оурядили и т. д. — по списку А*); в договоре Новгорода с ганзейскими городами 1262—1263 гг.: *А се старая наша правда. и грамота, на чемъ цѣловали оци ваши и наши кр(с)тъ.* Формы 3-го л. без

² Список сокращений см. в конце статьи.

вспомогательного глагола встречаются и в книжно-литературных текстах, например, в Лавр. лет.: *Прислала... Словѣнска земля; Наказалъ... Мефодии; Казалъ црь; Заповѣдала Ольга* и т. д., в частности, и у Вл. Мюномаха: *Тура мя 2 метала на розѣх(ъ) и с конемъ. олень мя одинъ болъ. а 2 лоси одинъ ногама топталъ а другыи рогома болъ. вепрь ми на бедрѣ мечъ о(т)тялъ. медвѣдь ми оу колѣна подѣклада оукусилъ. лютыи звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедры..;* также: *То бо были рати; А братцю моему судъ пришелъ* и т. д.

Если учесть, что при отсутствии словесно выраженного подлежащего в 1-м и 2-м л. формы настоящего времени вспомогательного глагола (в перфекте) в древнерусских текстах (причем не только книжно-литературных) обычны (см. примеры далее), то отсутствие вспомогательного глагола в 3-м л. должно интерпретироваться как показатель этого лица, т. е. как нулевая форма 3-го л. в парадигме вспомогательного глагола:

1. есмъ	есм(е) (есми, есмы)	— вместо есмъ	есмъ
2. если	есте	— вместо если	есте
3. ø	ø	— вместо есть	суть

2.2. То, что в парадигме настоящего времени глагола *быти* показателем 3-го л. вместо *есть* — *суть* становится нулевой формой, безусловно, связано с воздействием синтаксических отношений на морфологические изменения. Дело в том, что те же формы, кроме функции вспомогательного глагола в перфекте, как известно, употреблялись также и в функции связки при именном сказуемом — с указанием на отнесенность признака к моменту речи. Известно также, что из двух типов сказуемого с разными значениями настоящего времени³ древнерусский язык обобщил предложения без связки, распространив их и на случаи указания на признак, ограниченный во времени (т. е. такой, который также *был* или *будет*, а не является постоянным), так что отсутствие связки постепенно становится показателем собственно настоящего времени, а следовательно, является уже не «отсутствием», а нулевой формой (настоящего времени) глагола *быти*.

По указанным выше причинам нулевая форма как показатель отнесенности признака (на уровне текста — всего высказывания) к настоящему ранее всего стабилизуется в 3-м л. (разных чисел). Начиная с древнейших памятников, «нормальными, типичными для древнерусского языка,— по наблюдениям В. И. Борковского, — были предложения без *есть* и *соуть* даже и тогда, когда они имели вполне конкретное значение»⁴. То же распространяется и на аналитические глагольные образования, где до семантической трансформации перфекта (в универсальную форму прошедшего) вспомогательный глагол указывал на состояние в настоящем. Иными словами, как в предложениях типа *А кто мнѣ ратныи с тимъ ся самъ вѣдаю* (Новг. гр. 1266—1272 гг.) или *А мы нази* (Лавр. лет.) отнесенность признака к моменту речи выражена отсутствием связки (точнее — ее нулевой формой, противопоставленной *будеть* или *бысть*), так и в предложениях *Глѣбъ князь мѣрилъ м(ore) по леду* (надпись 1068 г.) или *Князь оуже почалъ* (Лавр. лет.) значение перфекта (отнесенности результата уже совершенного действия к моменту речи) выражено отсутствием вспомогательного глагола при форме на -л- (*мѣрилъ, почалъ*, а не *будеть мѣрилъ, не бѣ почалъ* или *бы почалъ*).

³ См.: Хабургаев Г. А. Старославянский язык. М., 1974, с. 397—398.

⁴ Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963, с. 332.

2.3. Анализ нелитературных текстов XI—XIV вв. показывает, что формы *есмъ, еси* (и т. д.) выступают исключительно как показатели лица (а не времени!), оказываясь синтаксическими синонимами личных местоимений (ср. вывод в п. 1). Именно этим и объясняется их регулярное употребление в определенно-личных предложениях, начиная с самых ранних бытовых и юридических текстов, — при обязательном отсутствии личного местоимения в функции подлежащего (исключения касаются только традиционных, формуллярно закрепленных зачинов официальных юридических документов типа *Се азъ/язъ имярек повелѣлъ есмъ...* — начиная с Мст. гр.): *Оже то еси казале Несъобѣ вѣверичъ тихъ деля. коли то еси приходиле въ Роусь съ Лазъвкъмъ. тъгъдъ възяле оу мене Лазъвке* (НБГ № 105, рубеж XI—XII вв.; см. отсутствие вспомогательного глагола в 3-м л. при подлежащем *Лазъвке*); *А иное грамоты. оу насъ нѣтоуть. ни потаили есмы* (Новг. гр. 1262—1263 гг.); *Княжо. то еси неправду дѣялъ. забылъ еси княжо своего крестнаго челования... И ты имъ выдавъ розбоинника, потомъ шолъ еси у розбоинникову клеть. товаръ еси розбоинниковъ взялъ и иныхъ людии товаръ былъ тутотъ и то поималъ еси княжо...* И потомъ княжо ты на другой день емъ его⁵ *оковалъ еси и дѣржалъ его еси до того же дне <...>* *Ныне новую правду ставиши как то есме не чували отъ отчовъ ни отъ дѣдовъ...* Тимъ словомъ *не дослужилъ еси ся того коня* (Рж. гр.); *Упомни что есмъ платилъ серебро перъдо тобою Давыду. а тогда улицанѣ поминалъ* (НБГ № 104, рубеж XIII—XIV вв.; ср. отсутствие вспомогательного глагола в 3-м л. при подлежащем *уличане*); *Оже еси продало порты а коупи ми жита за б гринено. али цего еси не продало а посли ми лицеме. али еси продало а добро сътворя оукоупи ми жита* (ВБГ); *А нынѣ есмъ увѣдалъ любовь ваша правая* (Полоцк. гр. 1308 г.); многочисленны такие случаи в Р. пр.: *Помиловалъ еси оже еси не ставилъ послуховъ; Яко не вѣдалъ еси оже есть холопъ* (в последнем случае *есть* — в именном сказуемом при отсутствии подлежащего) и под.

2.4. Тот факт, что в старейших нелитературных текстах формы *есмъ—я, еси—ты* (и т. д.) функционируют как синтаксические синонимы, т. е. в равной степени только как показатели лица, обнаруживается в употреблении *есмъ, еси* (и т. д.) в высказываниях, не относящихся к плану настоящего. Так, в ряде приведенных выше фраз глагол не имеет собственно перфектного значения и указывает на полностью отнесенные к прошлому действия (а не на состояния в настоящем как результаты совершенных действий); например, в рассказе о последовательных прошлых событиях ... *Шолъ еси у розбоинникову клеть товаръ еси розбоинниковъ взялъ... и то поималъ еси* (Рж. гр.) глагольные формы *шолъ, взялъ* и *поималъ* используются с явно аористным значением. Предложенная интерпретация форм *есмъ, еси* (и т. д.) подтверждается и употреблением их в памятниках XIII—XIV вв. при сослагательном наклонении, где, как и в перфекте, бывший вспомогательный глагол уже теряет формы словоизменения (см. далее), что и требует «внешних» средств выражения лица — либо личных местоимений, либо их функциональных эквивалентов: *Староста Олескандрова (sic!) погоста бѣть целомъ сто бы еси господине окупиле* (НБГ № 102, XIII—XIV вв.); *Купилъ есмъ соль нѣмецкую. то бѣ еси сѣмъ припровадилъ* (НБГ № 282, XIV в.); *А лихихъ бы есте людии не слушали и хто иметь васъ сваживати. слушали бы*

⁵ На фоне приводимых здесь и далее фактов конструкции *Ты выдавъ шолъ еси* или *Ты емъ его оковалъ еси* лишний раз подчеркивают предикативную функцию причастий *выдавъ, емъ*, имеющих «свое» (!) подлежащее, ср. совр. диал. *ты вставши, он зженевши* и под.

е(сте) оца нашего (Моск. гр. 1353 г.); *Добиша челомъ новгородьци... что бы еси господине ъхалъ* (Новг. лет.); *Цо бъ еси прислalo востъку да мѣда* (НБГ № 129, XIV—XV вв.); в списке Евангелия 1283 г. «контаминируются» оба способа указания на лицо: *Аще б(ог)ъ оцъ вашъ былъ бы. любили бы вы мя есте.*

Подобные факты заставляют интерпретировать *есмъ, еси* (и т. д.) в текстах XII—XIV вв. как показатели лица, а не времени: как *при-проваил(ъ) бы еси* = 'ты', так и *продал(ъ) еси* = 'ты'.

2.5. Об утрате глагольности формами *есмъ, еси* (и т. д.) свидетельствует и постановка отрицания при форме на -л- (а не при «вспомогательном глаголе», как это наблюдается в собственно аналитических образованиях), что в нелитературных текстах фиксируется, начиная с самых ранних: *Еси не взялъ* (НБГ № 109, XI—XII вв.); *А иное грамоты. оу насъ нѣтоуть. ни потаили есмы ни вѣдаемъ* (Новг. гр. 1262—1263 гг.). То же — во всех остальных цитированных выше документах XIII—XIV вв. (включая Р. пр.): *оже еси не ставилъ послуховъ, не вѣдалъ еси, али цего еси не продало, есме не чували, не дослужилъ еси ся* и т. д. Ср., однако, в болгарском языке, сохраняющем аналитический характер перфекта как специализированной формы прошедшего: *не съм писал, не съм мислил* и т. п. (так же и в собственно старославянских текстах: *нѣсмъ, нѣсть* и т. д.), и в отрицательном ответе: *Писал ли си? — Не съм!* То же, между прочим, и в современном русском аналитическом будущем: *Не буду делать; Будешь отвечать? — Не буду!*⁶

Очевидно, что для авторов цитированных древнерусских текстов постановка отрицания перед *есмъ, еси* (и т. д.) была невозможна, если эти формы употреблялись как функциональные эквиваленты личных местоимений: *не еси взялъ*, видимо, означало бы 'не ты взял' (?).

2.6. Если в плане диахроническом можно констатировать первоначальное опущение вспомогательного глагола в 3-м л. собственно перфекта, то на синхронической оси результат этого исторического процесса должен интерпретироваться как функционирование *и у л е в о й* формы вспомогательного глагола при образовании на -л- в качестве выразителя значения 3-го л. перфекта (ср. п. 2.1). А наблюданная затем на оси времени постепенная утрата вспомогательного глагола в 1-м и 2-м л. разных чисел должна рассматриваться как распространение модально-временного показателя, восходящего к форме 3-го л., на все остальные личные формы перфекта.

Таким образом, новые синхронные отношения в собственно перфекте — это показатель лица (и числа), сочетающийся с формой на -л- посредством унифицированного показателя наклонения в времени, лишь исторически связанного с формой 3-го л. вспомогательного глагола. Например, в ед. числе:

I синхрон. срез →	II синхрон. срез →	III синхрон. срез
есмъ купил-	(я) есмъ купил-	я/есмъ ø купил-
еси купил-	(ты) еси купил-	ты/еси ø купил-
[некто] есть купил-	[некто] ø купил-	[некто] ø купил-

В плане абсолютной хронологии «III синхрон. срез» должен быть связан с периодом XII—XIII вв.⁷, так как в нелитературных (менее

⁶ Ср.: Янакиева Ц. Г. Система спрягаемых глагольных форм в языке деловой и бытовой письменности древнерусского Северо-запада XI—XIII вв. (в аспекте категории времени). Автореф. канд. дис. М., 1977, с. 13—14.

⁷ Имеется в виду разговорная речь Древней Руси. Те же синхронические срезы для системы книжно-литературного языка имеют иную (более позднюю) абсолютную хронологию.

заметно — книжно-литературных) текстах именно этого времени унифицированный (нулевой) показатель перфекта при форме на -л- последовательно обнаруживается не только в 3-м л., но и в остальных личных формах при наличии подлежащего, выраженного личным местоимением. За пределами формулярного клише (типа Я(з)... есъ повелѣлъ... — см. п. 2, 3) мы находим это уже в старейшей официальной грамоте: *А язъ далъ роукою своею...* (Мст. гр); то же — в других деловых и бытовых памятниках XII—XIII вв.: *Я Ивана ялъ* (НБГ № 502, XII в.); *Язо ти олово попродаля и свинец* (НБГ № 439, XIII в.); *Я заплатилъ 20 грвенъ а ты свободонь* (НБГ № 421, XIII в.); нет связи и при именном сказуемом); *Язо тебе брату своему приказале...* *Не урядилъся ти ты съ Дроцилою* (НБГ № 344, XIII в.); *Мы ваше братие не обидѣли ни грабили товара силою без правды как то ты княжо дѣешь...* *Ты его товаръ со розбоинниковымъ товаромъ узялъ...* то ты ему не далъ... *Ты не велелъ гостеви съ гостемъ торговати...* *И ты ему велелъ продати...* *Ты реклъ княжо...* (Рж. гр.). Последний текст интересен тем, что при отсутствии личного местоимения при форме на -л- в нем обязательно выступает *еси — есме* (см. обширные выдержки в п. 2, 3), что лишний раз подчеркивает функциональное тождество *ты/еси, мы/есме*, употребляющихся в этой большой по объему грамоте без каких-либо стилистических или грамматических различий и при этом никогда не встречающихся вместе при одном сказуемом (ср. в этой связи сноска 5).

3. Адекватность схемы «III синхрон. среза» реальным грамматическим отношениям периода XII—XIII и последующих столетий подтверждается, как уже говорилось, формами других аналитических времен, образовывавшихся соединением того же причастия на -л- со вспомогательными глаголами — первоначально спрягаемыми (изменявшимися по лицам и числам) модально-временными показателями. Так, в сослагательном наклонении, которое в языке письменности встречается преимущественно в предложениях с целевыми и условными придаточными (с оттенком желательности или обусловленной возможности/невозможности), лишь книжно-литературные тексты дают примеры со спрягаемыми формами вспомогательного глагола — показателя наклонения: *Възлѣти господине мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ* (Сл. Иг.); *Да аще бы ми врагъ поносилъ пропрѣлъ оубо быхъ* (Успенский сборник XII—XIII вв.); *Рекохъ же ти многашьбы яро. да быхъ моглъ и тебе прѣклонити къ истинѣ* (там же); *И послалъ Столопкъ къ Володимеру гля. да быхове се съняли и о томъ подумали быхомъ съ дружиною* (Лавр. лет.). В деловых же и бытовых памятниках древней Руси собственно форм сослагательного наклонения со спрягаемым вспомогательным глаголом нет (исключая единичные примеры в разных списках Смл. гр. 1229 г.⁸), а унифицированный показатель наклонения *бы*, генетически связанный с формой 3-го (но не 2-го!) л. ед. ч. аориста, в придаточных конструкциях уже примыкает к союзу (т. е. *а бы* — ср. в Сл. Иг. *а быхъ; что бы* — эквивалент книжно-славянского *да бы* [-хъ, -хомъ] и т. д. — см. приведенные выше примеры) и в частных письмах иногда выступает в редуцированной форме *б(ъ)*, свидетельствующей об отрыве его от парадигмы аориста: *А Кузеке соци а бы не истиряле*

⁸ В списках A и B: ...*Ажъ бы миръ твърдъ былъ... Дѣржати ажъ быхъмъ что тако оучинили* (в Р. пр., где сослагательное наклонение не отмечено ни разу, в аналитических по значению конструкциях употребляется союз *аже* (или *оже*) с формой настоящего/будущего времени); в сл. D, E, F и G: *Которою правдою быти роусиноу въ Ризе и на Готскомъ березе тою правдою Немцомъ въ Смоленьске. а быша ся тои правде дѣржали въ векы.*

(к)уно (НБГ № 163, XII в.); *А за тотъ миръ страдалъ Рулфъ ис Кашия и Тумашъ Михалевичъ а бы добросердье межю ихъ было а бы Русьскымъ купцомъ... любо было* (Смл. гр. 1229 г. по списку D, а также E, F, G); *А ныне мы молимъ тебе а бы тыи товаръ отдалъ его племени* (Рж. гр.); *Не даваите воли... надъ нашими купцинами, что бы опять не держялъ наших купцинъ никого* (Полоцк. гр. 1265 г.); *Староста Олескандрова погоста беть целомъ сто бы еси господине окупиле* (НБГ № 102, XIII—XIV вв.); *А пишу вамъ се слово того деля что бы не перестала память родителии нашихъ* (Моск. гр. 1353 г.); ...*чи би господине попечелился* (НБГ № 167, XIV в.); *Да переслѣшивай о Таныи чо бъ не блодила цого зря* (НБГ № 129, XIV—XV вв.) и др. В этом круге памятников в формах не 3-го л. обычно появление функционального эквивалента личных местоимений *есмъ, еси* (и т. д.); кроме примера из НБГ № 102 ...*сто бы еси господине окупиле*, см. также: *Купилъ есмъ соль нѣмецкую. то бъ еси сѣмъ припровадилъ* (НГБ № 282, XIV в.); *А лихихъ бы есть людии не слушали и кто иметь васъ сваживати. слушали бы есть отца нашего* (Моск. гр. 1353 г.); *Цо бъ еси прислало восъку да мѣда* (НБГ № 129, XIV—XV вв.) и др. Редкие случаи из книжно-славянских памятников — типа приводившегося выше примера из Ев. 1283 г. ...*любили бы вы мя есть* — на фоне материала некнижных текстов должны восприниматься как отражение уже прочно оформленных к этому времени отношений, соответствующих предложенному выше «III синхрон. срезу» (см. п. 2. 6), с тем же направлением трансформации форм бывшего вспомогательного глагола, что и в перфекте:

I синхрон. срез →	II синхрон. срез →	III синхрон. срез
быхъ купил-	(я) быхъ купил-	я/есмъ бы купил-
бы купил-	(ты) бы купил-	ты/еси бы купил-
[некто] бы купил-	[некто] бы купил-	[некто] бы купил-
быхомъ купил-(и)	(мы) быхомъ купил-и	мы/есмы бы купил-и
бысте купил-(и)	(вы) бысте купил-и	вы/есте бы купил-и

Встречающиеся в текстах XIV в. примеры с отражением редукции гласного в показателе сослагательного наклонения (типа *еси бъ припровадилъ, еси бъ прислалъ*) подтверждают, что *бы* к этому времени уже превратилось в модальную частицу (следовательно, занявшую на синтаксическом уровне место энклитики после союза или первого знаменательного слова — см. примеры) — унифицированный показатель условной или желательной модальности высказывания. Не случайно с этого же времени фиксируются и примеры употребления *бы* с инфинитивом: *О сем бы разумети комуждо из насъ* (Новг. лет.); *Антонии же приде Киеву и мысляше гдѣ бы жити* (Лавр. лет.); ср. в целевой конструкции: *Игорь же пристави к нимъ Ольга... а бы како довести полкъ цѣлъ* (Ипат. лет.).

4. Аналогичные отношения складываются при форме на *-л-* и в составе так называемого будущего сложного II, или пред будущего, где формирование модальной частицы из бывшего вспомогательного глагола обусловлено его исходным модальным значением.

4.1. Известно, что конструкция «*буду* (и т. д.) + *-л-*» в древнерусских памятниках является довольно редкой и фиксируется преимущественно в правовых актах (свыше 80% всех зарегистрированных примеров, причем большая часть остальных 20% — из договорных текстов в составе летописи), где она употребляется в придаточных конструкциях — условных или иных с условным оттенком. Яркой особенностью грамматической семантики предбудущего оказывается то, что оно относит к

будущему не само действие или состояние, а возможность его проявления, обнаружения, т. е. характеризуется отчетливой модальностью. Так, в знаменитой приписке к Сузд. лет. *Оже ся гдѣ буду описанъ или переписалъ или дописалъ, чтише исправляла...* речь идет не о том, что будет, а о том, что уже сделано: к будущему отнесена возможность обнаружения допущенных к моменту речи (к настоящему) ошибок в переписанном тексте, т. е. дословно '*если окажется, обнаружится, что я где-то описался...*'. Это модальное значение столь же очевидно выступает и в формулировках правовых статей, например, в Р. пр.: *Пакы ли боудеть что татѣбо купилъ въ тѣргоу... то выведать свободына моужа два или мытника.* С точки зрения временных отношений «предбудущее», казалось бы, оправдано тем, что сначала совершается акт купли, а затем может возникнуть необходимость доказательства этого акта (а не кражи); но в действительности статья говорит не об акте купли, а об обнаружении ворований, и точный ее смысл: '*если окажется, что куплено ворованое...*'.

4.2. Отмеченное модальное значение конструкции «*буду* (и т. д.) + -л» проявляется уже в старейших славянских текстах. См., например, рассуждения Марии по Супрасльской рукописи: *Паче съкрыю таиное се, еда будетъ сълъгалъ приходивы.* С позиций традиционного толкования конструкции как предшествующего будущего, парадокс здесь заключается в том, что если Мария обманута, то в прошлом (!), а не в будущем: к будущему относится возможность обнаружения лжи, и в приведенной старославянской фразе *сълъгалъ* предшествует тому, что выражено... глаголом *будетъ*, т. е. дословно '*если окажется (в будущем), что приходивший соглал (в прошлом)*' (как и в приведенной ранее приписке в Сузд. лет.: '*если окажется (в будущем), что я допустил ошибки (в прошлом)*').

То, что в древней славянской речи глагол *буду* не был «нейтральным» показателем будущего, а функционировал как собственно модальный — со значением возможного (в будущем) проявления признака (или результата прошлого действия) как условия — особенно ярко проявляется в конструкциях с именем и с инфинитивом. Так, в правовой статье Смл. гр. 1223—1225 гг. *Аже оубъютъ посла или попа, то двое того дати за головоу, аже не будуть розбоиниковъ, боудоуть розбоинци выдати в речь явно идет не о том, будут ли (в современном значении) убийцы — только ими и может быть совершен акт убийства; речь идет лишь о том, будут ли обнаружены убийцы, что и определяет условия последующих правовых действий: 'выдать двоих, если убийцы не найдутся (не отыщутся, не обнаружатся); если же убийцы будут обнаружены, то выдать их'.* То же в сочетаниях будеть с инфинитивом, которые всегда формируют безличную условную конструкцию со значением возможного (в будущем) проявления действия. Например, в той же грамоте: *Аже боудеть тѣрговати смолняниоу съ немъчицемъ, смолняниоу однѣхъ смолнянъ на послоу(ш)ество не выводити;* в Смл. гр. 1229 г. (по списку D): *Аже боудеть русиноу товаръ имати на немъчи... а роубежа не дѣяти;* в Новг. гр. 1296—1301 гг.: *А чего будеть искати мнѣ и моимъ бояромъ оу новгородцевъ... а тому всему судъ дати безъ перевода.*

Носителем рассматриваемого значения в возможном проявлении действия или признака как условия последующих действий являлась основа *буд-*, которая сохраняет это значение и в редком образовании прошедшего времени — в известном летописном рассказе об аварском нашествии (по Лавр. лет.): *Аще поѣхати будяше обѣрину, не дадяше вѣпрячи коня, ни вола — 'если авару случалось (приходилось) куда-то ехать...'*

4.3. Материал древнерусских текстов не дает возможности проследить, когда именно *будеть* трансформируется в неизменяемую модальную частицу: в формах разных лиц и чисел *буду* (и т. д.) в составе собственно предбудущего встречается, как правило, в памятниках книжно-литературных (т. е. там, где продолжают употребляться уже исчезнувшие в живой речи аорист и даже имперфект); в старейших же деловых памятниках конструкция с *-л-* фиксируется в безличных предложениях или в личных при 3-м л. (см. приводившиеся выше примеры), что, возможно, подчеркивает причину генетической связи модальной частицы с формой именно 3-го л., но не позволяет судить о том, возможно ли было еще изменение *будеть* по лицам в повседневной речевой практике составителей правовых актов. Кроме того, надо также учитывать, что на писцов оказывало влияние активное функционирование *буду* (и т. д.) в качестве сказуемого или связки (при именах и инфинитиве) — с изменением по лицам и числам (!) — не только с временным, но и с модальным значением. Не случайно неизменяемая модальная частица *буде(т)* фиксируется в более поздних памятниках — того периода, когда глагол *буду* (и т. д.) уже теряет своественное ему в древних текстах значение условной модальности и становится нейтральным показателем будущего, т. е. в памятниках XVI—XVII вв.: *А чево будетъ [я] забыла написати и в томъ вѣдаеть богъ* (гр. 1579 г.); *А будетъ мы учнемъ...* (гр. 1625 г.); *А будет они в том станут запиратца...* (гр. 1642—1643 гг.); *А будет тѣхъ сестръ наших которую зговорятъ замуж...* (гр. 1660 г.); *Буде волею божиєю меня не станетъ и приказщикомъ моимъ после смерти моей выдать годовое жалованье* (гр. 1678 г.). Не реагируя на лицо и число субъекта, *буде(т)* в этих примерах сочетается не только с формой прошедшего, но и с формой будущего времени, следовательно, уже явно не выражает идеи будущего, а является только средством оформления условной конструкции, не связанным с субъектом (ср. п. 1).

5. В отношении плюсквамперфекта сразу же надо оговориться, что история вспомогательного глагола может рассматриваться лишь в составе так называемого русского плюсквамперфекта, противопоставленного книжно-литературному плюсквамперфекту с *бѣхъ, бѣ* (или *бяше*) (и т. д.) именно формой вспомогательного глагола *был* (-*з*, -*а, о*), *был(-и)* (из *был-з есь* и т. д.) и именно с этим вспомогательным глаголом сохранившимся в восточнославянских языках. Судьба этого вспомогательного глагола типологически тождественна судьбе *бы* и *буде(т)*, но заметить это можно лишь при учете того грамматического значения, которое характеризует формы русского плюсквамперфекта, начиная со старейших памятников.

5.1. Принято считать, что плюсквамперфект использовался для актуализации предпрошедшего — действия или состояния, предшествовавшего прошлому. Редкие примеры плюсквамперфекта (по частотности он очень заметно уступает даже имперфекту) хорошо иллюстрируют это общее временное значение. Например, в Лавр. лет.: *И положенъ бы(сть) в стѣни Софии. юже бѣ самъ создалъ* (т. е. создал раньше — еще при жизни); *И пришедъ Мъстиславъ и(с)сѣче [кыяны]. иже бѣша высѣкли Всеслава* (именно плюсквамперфект разъясняет, что ответными были действия Мстислава, а не киевлян); *Оу Ярополка же жена грекини бѣ и бяше была черницаю. бѣ бо привелъ оць его Стославъ и вда ю за Ярополка* (мошенкой была раньше, чем вышла замуж; однако во втором случае плюсквамперфект противоречит нормам употребления времен, так как то же временное значение при той же последовательности

глаголов выражали бы и две формы аориста, коль скоро сначала привез в Киев, а затем выдал замуж); в Ипат. лет.: *Тоу же к нимъ и сторожеви приѣхаша. ихже бяхуть послалъ языка ловитъ* (т. е. вернулись те, кого раньше посыпали, а не вновь послали после возвращения). Нельзя не заметить, что в этих и других примерах из повествовательных текстов используются формы книжно-славянского (старославянского по происхождению и формальному составу) плюсквамперфекта.

5. 2. Примеры русского плюсквамперфекта до XIV в. включительно отмечены лишь в деловых памятниках и только в тех случаях, когда указывается на действие или состояние, впоследствии (не обязательно в прошлом!) «отмененное» или нереализованное, прерванное и т. п. Так, в Р. пр. в статьях с однотипными временными отношениями плюсквамперфект употреблен лишь в случае, когда сыновья Ярослава изменяют прежнюю правовую норму: *Ярославъ быль оуставилъ и оубити. и въ снве его оуставиша по отъци на куны* — но ср.: *А ино все яко же Ярославъ соудилъ. тако же и снве его оуставиша.* То же — в Новг. гр. 1264—1265 гг.: *А что быль отялъ бра(т) твои Александръ. пожне. а то ти княже не надобѣ — и далее: А что. кнже братъ твои Александръ дѣялъ насилие на Новѣгородѣ. а того ся кнже отстоуни* (здесь уже «отменять» нечего — просто 'не делай так').

Иногда причина появления плюсквамперфекта как прошедшего, нереализованного в микроконтексте не обнаруживается и для ее выявления требуется учет содержания всего текста в целом. Например, в Рж. гр.: *Въ тыи же день по его слову приготовилися есме были и рекли Прокопии. се мы готовы. поедимъ.* Создается впечатление, что плюсквамперфект здесь указывает на предшествование приготовлений разговору, и лишь дальнейший текст объясняет, что его появление связано с безрезультатностью этих приготовлений: *Прокопиево такъ. не могу я изъ свѣта во тму ехати. Прокопий на конь свои уседъ поехалъ у Витьбескъ. а наю братью попустилъ.* Итак: 'приготовились было ехать, но...' .

В свете материала деловой письменности по-иному воспринимается употребление плюсквамперфекта и в книжно-литературных произведениях. Так, появление плюсквамперфекта *бяхуть послалъ* (языка ловить) в цитированной фразе из Ипат. лет. получает новый смысл, если учесть, что, в соответствии с дальнейшим изложением, языка разведчики не поймали, так как наткнулись на уже готовые к бою половецкие отряды и вынуждены были вернуться, т. е. задание не было реализовано. Точно так же иной смысл приобретает и употребление плюсквамперфекта в сообщении Лавр. лет. о женитьбе Ярополка: *бяше была (черницею)* не потому, что 'раньше' (хотя это действительно раньше, чем замужество), а потому, что как выясняется из рассказа о печальной судьбе ее «окаянного» сына Святополка, *отъ грѣховнаго бо корене зѣлъ плодъ бываетъ. понеже была бѣ мати его черницею* (т. е. 'была было монашенкой', но, вопреки монастырским уставам, не осталась в этом состоянии, вернувшись к мирской жизни). А следующая фраза, с учетом сообщения летописца о том, что Святослав увез монашенку красы ради лица ея, как оказывается, заключает в себе информацию, обычно ускользающую от внимания современного читателя: *Бѣ бо привелъ оць его Стославъ и вда ю за Ярополка* — 'привез было (для себя!'), но выдал за сына'.

5. 3. Выявленное грамматическое значение формы подсказывает, что сложившаяся со временем конструкция «-л- + было» является прямым

функциональным продолжением русского плюсквамперфекта, в котором модальное значение нереализованности целиком сосредоточилось в бывшем вспомогательном глаголе, утратившем, следовательно, связь с субъектом (действующим лицом — см. п. 1) и примикинувшем к форме на -л- на правах модально-временной частицы: *хотел было, начали было и под.* (по А. А. Шахматову — недействительное наклонение). В южновеликорусских текстах начала XVII в. (т. е. на территории говоров, в которых сейчас фиксируется только неизменяемая частица) такая конструкция еще может оформляться двояко (иногда — в одной и той же грамоте), например, в отписке курского воеводы 1623 г., где значение нереализованности более раннего действия обнаруживается лишь с учетом широкого контекста: *И дошли было гсдрь тѣх татар на Мерчику. И пошли были на них в ночи з белагородцы пехотою всѣ. А послали перед собою вожа белогородца Гришку Селинского <...> И головы на татар в тои ночи потому не пошли — чаели тово, что тово Гришку с товарищи взяли татарове, и поворотилися х кошу.* То же во второй половине XVII в. у северянина Аввакума: *В ынью пору бивше меня на колѣ было посадилъ, да еще богъ сохранилъ; Надавали были кое чево во имя Христово люди добрые много, да все и осталося тутъ.*

5.4. Случай согласования вспомогательного глагола в плюсквамперфекте, которые фиксируются в ряде северных говоров⁹, связаны с тем, что нереализованное прошедшее было омонимично конструкциям со значением прошлого состояния. См., например, в Новг. лет.: *И приде (Мъстиславъ) Ростовоу. и в то врѣмѧ оумърлъ бяше Михалко.* Временой показатель (*в то врѣмѧ*) подчеркивает, что здесь сообщается не о том, что Михалко умер раньше появления Мстислава, а о том, что ко времени приезда Мстислава Михалко был мертв. Ср. в современных говорах, использующих образования на -(в)ши: *Покуль добегли он скончавши был;* так же обозначено и прошлое состояние, совпадающее с прошлым действием: *Пули летали — где-то немцы были засевши*¹⁰. Омонимия формы нереализованного прошедшего и синтаксической конструкции со значением прошлого состояния могла в отдельных говорах поддерживать согласование с подлежащим бывшего вспомогательного глагола в плюсквамперфекте: как (*Он*) был скончавши, так и *Был поехал, а его не взяли.* Впрочем, возможности такого согласования в нереализованном прошедшем в диалектологической литературе, видимо, преувеличены; на самом деле это редкие примеры среди более распространенных в тех же говорах конструкций с неизменяемой частицей было или был. См. в сводке С. П. Обнорского: *Сто рублей был давали, Был лошадь увели, Был наняли —* по тем же записям В. И. Чернышова, в которых фигурируют и *Был паехал, Сперва стал был хорошо учитца и под.*

⁹ См. почти исчерпывающую сводку в целом немногочисленных диалектных примеров: Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953, с. 160. К сожалению, диалектологические записи фиксируют формы типа *была брала, собрались были и под.*, как правило, без учета консистуации, что не позволяет уверенно судить об их реальном модально-временном значении. Между тем, даже *зимой умерла была* может означать не констатацию смерти в прошлом (см. ниже в тексте статьи *умърлъ бяше, скончавши был*), а 'едва не умерла' (ср. у А. А. Шахматова примеры недействительного наклонения: *упал было — чуть (было) не упал, едва не упал*); см. пример явно с этим значением: *Совсем был помёр.*

¹⁰ Подробно о функциях таких образований см.: Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВБГ — Берестяная грамота из Витебска (конец XIII — начало XIV в.)
 Ипат. лет. — Летопись по Ипатьевскому списку (около 1425 г.)
 Лавр. лет. — Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку 1377 г.
 Моск. гр. — Грамоты московских князей XIV в.
 Мст. гр. — Грамота великого князя Мстислава Володимировича и его сына Всехода Юрьеву монастырю (около 1130 г.)
 НБГ — Новгородские берестяные грамоты (указывается номер грамоты по известным публикациям А. В. Арциховского)
 Новг. гр. — Новгородские грамоты XIII—XIV вв. на пергаменте
 Новг. лет. — Новгородская летопись по Синодальному списку XIII—XIV вв.
 Р. пр. — Русская правда по Новгородской Кормчей 1282 г.
 Рж. гр. — Грамота рижских ратманов витебскому князю Михаилу Константиновичу (около 1298 г.)
 Сл. Иг. — Слово о полку Игореве
 Смол. гр. — Смоленские грамоты XIII—XIV вв.
 Сузд. лет. — Сузdalская летопись по Лаврентьевскому списку.

Поступила в редакцию
 10.03 1978 г.
 Кафедра
 русского языка